

Гаврига

Надежда
Белякова

Арина Родионовна

Таврида

Надежда Белякова

Арина Родионовна

«ИП Березина Г.Н.»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

Белякова Н. А.

Арина Родионовна / Н. А. Белякова — «ИП Березина Г.Н.»,
2020 — (Таврида)

ISBN 978-5-00153-186-9

Книга Надежды Беляковой «Арина Родионовна» наполнена юмором и доброй иронией, фантазией и очарованием абсурда, внезапно изменяющим привычный ход событий в жизни главных героев. Это озадачивает и вынуждает их искать выход из самых невероятных и запутанных ситуаций. Арина, главная героиня повести – двадцатилетняя талантливая девушка из Подмосковья, которая своими руками творит красоту народного искусства – лоскутного шитья. И в то же время она смело перекраивает свою судьбу, в поиске пути к счастью. Повесть «Арина Родионовна» погружает читателя в мир сказки, в которой много света любви и веры в судьбу в русле надежды и мечты

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00153-186-9

© Белякова Н. А., 2020
© ИП Березина Г.Н., 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Надежда Белякова Арина Родионовна

© Надежда Белякова, 2020

© Художник – Надежда Белякова, 2020

© Интернациональный Союз писателей, 2020

Надежда Белякова родилась и выросла в Москве.

Училась в художественной школе им В. Серова. Окончила Московский полиграфический институт и стала художником-иллюстратором. Работая над оформлением книг в различных издательствах, писала свою прозу: сказки, рассказы и повести, которые издала и продолжает издавать. Это книги: «Ругачёвские чудеса», «Отделение виолончели», «Конкурс», «Кузнецкий мост и Маргарита», «Сказки Надежды», «Сказки мухи Жуэсжалки», «Сказки библиотечного Сквознячка», «Сказки», «Чудо-нитка» и другие.

Глава 1

Живёт в нашем Ругачёво красавица Арина Родионовна. Настоящая красавица, а не такая, как в модных журналах: вобла сушёная, вместо лица – один ботокс да татуаж пластиковой наклейкой на силиконовой улыбке красуется. Не такая, а дивная красавица – очаровательная толстушка двадцати лет. Полная пышечка-сдоба с голубыми глазами-незабудками и миловидным курносым личиком, украшенным россыпью веснушек. Уважительное и полное её имя – Арина Родионовна, поэтому её прозвали ещё в школе шутливо: Радио, Родионовна или Арина Родионовна. Но осталась позади школа, а вместе с нею и прозвища и детские годы. И стала наша Аринушка – Ариной, а иной раз и официально – Ариной Родионовной.

Но главное, что выросла наша Аринушка такая рукодельница! Чуть свободный вечерок – не скучает, строчит на машинке, делает свой авторский пэчворк, как стало модно называть в последнее время наше исконное лоскутное шитьё. Арина и дом украсила лоскутным шитьём, и, фантазируя, создавала из него смелые модели одежды, которые сама и носила вместо магазинной, покупной. И это всегда выделяло её из повседневного облика жителей Ругачёво.

И сама нафантазирует иной раз обнову, но, конечно, порой и журналами, и моделями в интернете вдохновляется. Так и в этот вечер – вертелась перед зеркалом, примеряя и критически осматривая и себя, и своё шитьё. Закалывала, где нужно исправить. Опять строчила. А ведь уже поздно. За окном темно. Утро следующего дня – будний день в Ругачёво. Но успела засветло дошить как задумала. И поэтому Арина пошла в достроенной накануне ею разноцветной, но изысканной, артистично выполненной, на тему русского ватника куртке. На ней надета длинная, несколько хиппарская, но с фольклорным оттенком юбка.

Встреченные ею у дома бабки, баба Надя и баба Люба, захоли от восхищения.

И Арина, довольная тем, что, судя по тому, как бабульки осматривают её обнову, вещь удалась, приветливо поздоровалась с ними:

– Здравсьте, бабули! Как здоровье, баба Люба? Как спалось, баба Надя?

Словоохотливые бабульки, весело и приветливо кивая в ответ, поздоровались с нею:

– Спасибо! Всё слава Богу! И тебе не хворать, Аринушка! Ну ты рукодельница! Опять обнова! Ну ты прям цветок! Но разве ж нынче этим мужиков залавливают? Эх! Так и прострочишь на бабкином «Зингере» всю свою молодость! Таперячи на ДискотЭку ходить нужно! Там как раз потёмки. Ну, чё смеёшься-то? Чё смеёшься? Думаешь, если у бабы Любы зубов нет, то и мозги тоже выпали? Умная ты, да только глупая! Жалею я тебя!

Арина только рассмеялась в ответ:

– Ой! Баба Люба! Уж ты присоветуешь! Мужики не караси, чего ж их ловить-то! А мне и без дискотек не скучно! На работе целый день танцую по столовке. До смены нужно успеть рабочим завтрак на пятьдесят персон сделать.

Ну, я побежала!

Когда Арина вошла в столовую, её напарница Мария Ивановна, женщина лет сорока, уже хлопотала, приготавливая столовую к приходу посетителей. Арина переоделась в белый халат и поварской колпак. С удовольствием разглаживая свой новый наряд, уже наброшенный на вешалку, повертела перед собой, полюбовалась и повесила в шкафчик в подсобку, достав оттуда отложенные накануне вырезки новых рецептов блюд. Ведь кроме рукоделия она и кулинарией увлекалась. Она была поварихой в столовой частной фирмы, в которой работали строители. Она собирала рецепты и готовила по ним порой изысканные блюда. На удивление своей напарницы, Марии Ивановны, не уносила ничего домой, а готовила с фантазией. Арина относилась к продуктам как художник к краскам. Второй повар на этой кухне, её помощница Мария Ивановна, пришла раньше Арины. Арина вошла, поздоровалась и достала ещё не испробованные ею рецепты. Разложила их на столе, явно затевая что-то новенькое.

Мария Ивановна, протирая тряпкой столы, это сразу заметила. И, видя, как внимательно Арина изучает новый рецепт, что-то съязвила, но всё равно было видно, что Арина ей по сердцу:

– Арина Родионовна пожаловала! Ну, опять какое-нибудь «Блян Манжэ» запузеришь? И меня к глупостям приучаешь! Ой! Арина! Выдумщица ты!

А по мне так омлет на завтрак, в обед компот – вот и все кружева!

Мужиков тоже, знаешь, баловать не рекомендуется. Младенчиков – и тех закаливают. А уж с этими точно поосторожнее надо бы! А ты всё витаешь, Пушкина поджидаешь!

Но у Арины на эти слова было своё мнение:

– Мария Ивановна! Но ведь мы весь день на работе! Время и так, и так пройдёт, так лучше, чтобы было интересно, творчески. Хозяин фирмы деньги на продукты отпускает, можно выбрать, с чем работать.

Но Мария Ивановна к вопросу продуктов относилась очень строго:

– Вот именно! С умом средства выделяет! Чтоб мы и себя в ущерб столовой не обидели! А ты то «Ужин Клеопатры» затеваешь для рабочих, то вместо харчо суп версало...

– Да не версало, а «супэ дё ла Версаль»! – опять поправила её Арина.

Но Мария Ивановна возразила:

– Да один хрен, Аринушка! Мужику нужно, чтоб сытно было – и баста! Они ж копают весь день! Кирпичи ворочают! А ты всё выдрючиваешься! – по-простецки обобщила Мария Ивановна, чем уже не на шутку задела Арину.

– Не выдрючиваюсь я! Просто для меня продукты как краски для художника. Я хочу с ними работать, изучать новые и придумывать свои рецепты.

И с этими словами Арина достала папку с вырезками из разных журналов с уже воплощёнными рецептами собранных ею кулинарных изысков и ещё не испробованными. Положила туда новые рецепты и выбрала рецепт на этот день. Но, судя по тому, как низко склонилась она над своей папкой, Мария Ивановна поняла, что напрасно она так перебрала с утра пораньше с критикой. И поэтому она обратилась к Арине:

– Понятно! «Сенька-поп, зачем пришел? За краской!» Ну да! У тебя ж не семеро по лавкам! Молодая ты! Тут перекусила – и порядок! Ну, чего на сегодня затеяла? Какие нынче извращения мариновать будем? Какого-то Пушкина ждёшь, Арина Родионовна, чтоб нянчить до седых, – закончила она примирительно, чтобы не портить рабочий день.

И вот спелая кустодиевская пышногрудая красавица лет двадцати и её помощница Мария Ивановна принялись колдовать у плиты. А за окном так по-весеннему разгалделись вороны. И таяли сугробы, словно забытое мороженое на празднике с зажигательными танцами. Весенний джаз капли по крыше и по навесу над входом радовал приближением ранней в том году весны.

Работа ещё не началась. Но кухня уже кипит, шипит и пылает.

Арина, обрадованная тем, что минутка препирательств завершена, торжественно объявила:

– Сегодня готовим «Рев дю сультан».

– Арина! Да это ж как есть-то, если и не выговорить! – возмутилась Мария Ивановна, но уже без былого напора, потому что пора было расставлять хлебницы с нарезанным хлебом.

Обе поварахи начали расставлять на столах хлебницы с хлебом, после этого Арина прикрепила на стену выбранный рецепт и стала читать его вслух:

– Это французское название, а по-русски – «Мечта султана», берём десяток яиц и...

Тут её опять перебила Мария Ивановна, прыскающая от смеха:

– Ну, это ясно-понятно, с чего султан начинается, то есть его мечта. Ну ладно тебе, Арина, уж и пошутить нельзя!

И, несмотря на препирательства, работа всё же началась. Зашумели плиты столовой для сезонных рабочих. И обе стали готовить завтрак для рабочих и задуманный Ариной изыск к обеду.

Тут первым в столовую пришёл Толик с гитарой на плече, как обычно. Достаточно было беглого взгляда, чтобы догадаться, что Толик явился после бурно проведённой ночи. Он оглянулся и, быстро достав носки из кармана, воровато надел их, пока не видели дамы, колдующие у плит. Потом крикнул им из зала столовой:

– С добрым утром, милые дамы! Как вкусно у вас всегда пахнет!

Арина, видя его, вспыхнула румянцем на щеках и загорелась от нахлынувшей нежности к этому красавцу – Казанове местного значения. Она была тайно влюблена в Толика, прораба одной из бригад сезонных рабочих, красавца и сердцеда тридцати лет. Но ничего, кроме страданий, эта влюблённость ей не принесла. И её напарница, Мария Ивановна, вынесла ему стандартный завтрак на подносе, потом продолжила раскладывать хлебницы с хлебом, стаканы с бумажными салфетками – готовить столовую к завтраку строителей. Обе заметно оживились, увидев обаятельного и бесшабашного Толика.

– Аринушка, душа моя! Арина Родионовна! Дай кофейку! И покрепче! Отчего я не Пушкин?! Все беды на земле оттого, что не на тех женятся! Вот если бы Пушкин женился на Арине Родионовне! – притворно трагически восклицал Толик, пока Арина готовила ему хороший, крепкий кофе. Но и Мария Ивановна «вставила свои пять копеек» в общую топку разговора:

– Вот именно, Толик! До сих пор огурчиком бегал бы! И до сих пор песни бы пел!

Толик, вдыхая аромат кофе, полностью согласился с нею:

– Точно! Все мы мужики такие... даже если и Пушкины! А, кстати, и я вам своё новенькое спою, – сказал Толик и взял гитару.

Одновременно на салфетках что-то увлеченно стал писать. Дописал. Он явно доволен. Берет гитару, пробует петь только что сочинённую песню «Треугольники любви», подбирая аккорды. Тут в зал столовой вошла Арина с горячим кофе, который так обрадовал Толика, но сначала он решил спеть своим первым слушательницам. Мария Ивановна съязвила:

– Ой! Ой! Ранний ты наш! Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела!

Но Толик запел, и неплохо запел, несмотря ни на какие препятствия:

Треугольники любви Бермудскими бывают.
Пропадаем мы в них, словно в вечность канув.

Треугольники любви Лабиринтом Кносским.
Бродим в них до зари в бессонницы обносах.

Треугольники любви жаждут биссектрисы.
Разделите же их!
Да не делится искренность!

Треугольники любви – ветви древа.
Что в Эдеме проросло, яблоком созрело.

Толик пел, а дамы заслушались, забыв о своей работе. Но вдруг Мария Ивановна взглянула на Арину – и даже расстроилась, видя, какими влюблёнными глазами та смотрела на шалопута и разгильдяя Толика. Тут уж Мария Ивановна, едва дождавшись, когда Толик закончит свое выступление, тотчас – руки в боки и ну возмущаться, выразительно покачивая большим столовским половником:

– Толик! Треугольный ты наш! Что ж это ты такое поёшь! Ты о единственной и неповторимой любви девушкам-то пел бы! Треугольники? Хм... Я б тебя за все твои треугольники так отделала!

Но негодование Марии Ивановны несколько не помешало Толику с наслаждением допить прекрасный кофе, украшенный премудростями кулинарных фантазий Арины.

А потом Толик в ответ Марии Ивановне, перебирая струны гитары, примирительно выдал Окуджаву, кивая на её половник:

– Вот, Мария Ивановна, если б не это: «Мы были б счастливы! Куда же гонишь ты своих коней?!» Подумайте, Мария Ивановна! Вы слишком строги! – высказался он, подчеркнув свое мнение бравурным аккордом, и, театрально изображая нарочитый испуг, убежал из зала столовой, подмигнув Арине на прощанье.

Конечно, Марии Ивановне он тоже был симпатичен, но она почти по-матерински жалела Арину, безответно влюбленную в Толика. В сердцах она пробормотала себе под нос, потому как сердилась на шалопута Толика: «Бывают люди, а бывают на блюде!»

А прораб Толик уже работал, отчитывал рабочих, распределял работу между ними. А из окна кухни любовалась Толиком Арина. Там она кашеварила, крутилась с большущим половником перед огромными котлами.

Арина опустила половник в борщ и опять взглянула в окно. Тут она увидела, что Толик, выразительно погладив усики, игриво подмигнул ей. Она, всплеснув от смущения руками, машинально выдернула из котла с борщом и половник. Смотрит на сердцееда Толика не отрываясь, зарделась и обомлела от радости, выразительно прижав к груди половник. От борща, оставшегося в половнике, на её белом халате проступило пятно цвета бордо в форме сердца. Она замерла и не заметила, что все котлы, кастрюльки и алюминиевые чайники – все разом закипели. Сковородки подгорели. Подбежала ей на помощь Мария Ивановна и, спасая завтрак, от души обругала её, остолбеневшую с блаженной улыбкой на губах. Потом, конечно, как и раньше, начала жалеть Аринку:

– Толик только голову тебе, девке, дурит, а тебе замуж пора!

– Со всех сторон твердят: «Замуж пора! Замуж!» – словно я сама, без «замуж», недочеловек какой-то! А вы, Мария Ивановна, сколько раз замужем были?

– Ну, знаешь, мужья не деньги, что их считать? Да я смотреть не могу на твои мученья! Слушай, есть тут одна бабулька, ну, знаешь, как знахарка. Ну ведунья она. Потому-то ведает и может сделать так, что и не такие с букетами приползали. И на коленках вокруг дома ползали. И женились как миленькие. Она может тебе помочь! Ну, чтобы очаровать и женить. А я знаю, как к ней пройти! К этой и к ведунье-вещунье, чтобы та поворожила какими-то только ей ведомыми способами, которые обладают чудодейственной силой исполнения желаний.

Обе, посмотрев на высоко висящие настенные часы, прикинув, что ещё минут двадцать на этот важный разговор у них есть. Они не сговариваясь заперли дверь столовой. Выдрали пустые листы из «Книги жалоб» ругачёвской столовой «МЕЧТА». И Марья Ивановна принялась старательно чертить на нескольких листах план, как пройти через лес к той ведунье. Сколько-то елок пройти, через какой именно пенё берёзовый перепрыгнуть, какой-то ручей задом наперёд вброд перейти. Потом – сколько раз налево, сколько направо повернуть. И, всякое прочее. План вскоре был выложен вдоль всей столовой. Пока Мария Ивановна чертила, она рассказывала, поясняя все трудности пути к счастью:

– Но сколько ей, ведунье, лет, никто не знает, а живёт она в том потаённом месте так давно, что ещё моей прабабке Марье Ивановне приворожить помогла. Так давным-давно живёт, что памятью слаба стала, да и глуха как пень, но дело её верное, уж коль взялась за дело – всё получится! Но для памяти нужно ей что-нибудь подарить. Она те подарки берёт и тогда уж точно не забудет поворожить для того, кто ей это подарил.

В двери столовой всё настойчивее и сильнее стучались рабочие, но Арина и Мария Ивановна не сдавались, потому что никак не могли бросить свой план действий. Взятые штурмом двери столовой не выдержали. И распахнулись, отбросив в сторону засов. Но тут рабочие обомлели и замерли в дверях, увидев престранную картину. На полу сидели Арина и Мария Ивановна, и, как безумный пасьянс, раскладывали между столов испещрённые загадочными чертежами и планами страницы, вырванные из «Жалобной книги» столовой «МЕЧТА». Оторванная обложка «Жалобной книги» валялась в стороне. А в воздухе витал запах подгоревших котлет.

Глава 2

Глубокая ночь настала, и звёзды сверкали так ярко, словно хотели нашептать что-то невероятное, но очень ясное и важное. И звали, звали в неведомое, таинственное. Так, что не уснуть было Арине. И она подошла к окну. Откинув занавеску, Арина посмотрела на улочку за её окнами, по которой ей предстояло всего через несколько часов пойти к ведунье в надежде, что перевернется вся её хоть и хорошая, но скучноватая жизнь и наполнится счастьем, любовью, страстью. И поэтому нужно спать, просто спать, чтобы утром встать полной сил, чтобы всё задуманное состоялось. И с этими мыслями Арина вздохнула и опять легла в постель, натянув на себя одеяло, укрываясь с головой. Вытянув руку из-под одеяла, она погасила торшер, стоявший рядом с её кроватью. Но вскоре, отбросив одеяло, опять включила торшер, встала и подошла к столу. Вздохнула, посмотрев в угол рядом с дверью, на стоящие там рыбацкие резиновые сапоги её деда, чудом уцелевшие, которые специально для этого случая она раскопала в чулане. Достала из шкафа рюкзак и повесила на спинку стула. И опять легла, чтобы досыпать те оставшиеся до утра несколько часов. И действительно, сны ей снились какие-то быстрые, как в ускоренной съёмке, словно пытались уместить все отпущенные ей в эту ночь сны в оставшиеся до утра часы, но из-за потраченного времени ночи на сомнения и сборы часов этих осталось так немного. И уж теперь Арина заснула крепко. Так что до рассвета и не шевельнулась. Но с первыми лучами рассвета Арина проснулась. Встала с кровати и подошла к столу. Внимательно посмотрела на нарисованный план дороги к ведунье. Она была в смятении и полна сомнений. Вздохнула и, словно приняв окончательное решение, стала собираться в путь.

Испекла большую кулебяку, дразнящим запахом которой наполнился дом Арины. Запах детства, семейного праздника, тех лет, когда все ещё были живы. И на душе Арины стало тепло и спокойно. И она собирала гостинцы, провизию в душевном спокойствии. Достала из буфета шкатулку. Открыла. И, перебирая свои побрякушки, выбрала мамину брошь с ярко сверкающими камушками. Всё это: корзину, полную снеди вместе с планом дороги и брошку – она собрала и уложила в дорогу. С этим и пошла вперёд к новому будущему – к ведунье.

Путь был трудный. То она отсчитывала сколько-то берёз от тропинки. То у какого-то пня поворот. Выбившись из сил, Арина достала из-за пазухи своего красочного, состёганного ею ватника планы пути к ведунье. Стала читать сама себе вслух, перебирая разрозненные листки, чтобы лучше запомнить:

– А теперь нужно вброд, пройти не оборачиваясь, задом наперёд. А это зачем? Ох! Но раз надо так надо! – прочитав, изумилась Арина, и покорно повернулась, и пошла задом наперёд, как было написано на разрозненных листах «Жалобной книги» столовой.

– Дальше – читать вслух: «Лягу я помолясь! Встану я благословясь. Пойду из ворот в ворота. Встану я, раба Божья Арина, в чистом поле, чтоб ни жить, ни быть без меня не мог раб Божий Анатолий, чтоб соль ему была не солоня, чтоб вода не мокра, чтоб день не в радость, чтоб ночь не в сладость. Крепкое слово, как камень горяч, сколько его ни скрючь! – преодолеваю все кочки, буреломы, завалы сломанных веток, заросли крапивы, Арина твердила это как заученный урок.

Но чуда не произошло. И Арина еще долго бродила и плутала по лесу, повторяя это заклинание. Её голос осип, повторяя эти старинные слова магического заклинания: то запыхавшись, то с усталостью и досадой, но она повторяла.

Но сторожку всё не находила, хотя всё уже тонуло в красных, сиреневых и оранжевых красках заката. Арина раздвигала ветви еловых лап, уже не пугаясь исцарапать лицо, всё уже сплошь покрытое свежими царапинами от ветвей ёлок и елей в непроходимых чащобах на её пути. Произносила в полном изнеможении, со сбитым дыханием. И в этот момент, когда уже стало быстро темнеть, она наконец нашла ведунью, произнося:

– Чтоб день не в радость, чтоб ночь не в сладость! Крепкое слово, как камень горяч, сколько его ни скрючь!

С этими словами Арина раздвинула ветви и увидела сказочной ветхости избушку. Арина поднялась по скрипучей лесенке и постучала в грубо сколоченную из необструганных досок дверь. И, проскрипев, дверь открылась. И Арина увидела, что за дверью, за порогом сторожки, словно ожидая её, стоит старушка. Она приветливо улыбалась Арине. У её ног вился и ластился чёрный кот. Эта махонькая улыбчивая сухонькая старушка показалась Арине такой светлой и милой, что трудно было предположить в ней что-то колдовское-мистическое. Ничего inferнального. Это так удивило Арину, что она замерла в растерянности. А старушка ласково приветствовала Арину, полуоглохшую от силы своего сердцебиения:

– Заходи, Аринушка! Отдохни с дороги, девонька! – пригласила её в дом. Внутри избушки оказалось неожиданно уютно. Это была явно не баба Яга. Всё в жилище украшено рукоделием, кругом вязанные салфеточки, на столе скатерть, на полу – домотканые пестрые дорожки. На стене лубки. И фото кинозвёзд. Даже фото Софи Лорен, Мерлин Монро, Клаудии Шифер с благодарными надписями ведунье по-английски. Перед лубком с красавицей восемнадцатого века Арина замерла. Залюбовалась. Она присмотрелась и поняла, что это большого размера игральная карта, дама пик, вставленная в старинную рамку. Старушка тотчас протёрла рамку и пояснила Арине:

– Не узнала? Так это ж я в молодости. Проходи! Отдохни, девонька! Посиди, отдохни, – сказала старушка с керосиновой лампой, освещая жилище. И только теперь Арина увидела, что здесь были и другие люди кроме неё и старушки.

Арина присела на скамью. И с искренним удивлением обнаружила, что в сторожке у старушки несколько других гостей, опередивших её в ожидании помощи старушки-ведуньи в достижении своих мечтаний. Раздалось многозначительное покашливание. Арина смутилась, оглянулась и увидела, что на скамейке у стены напротив сидят ещё двое посетителей, несколько смущаясь друг друга. Они были смущены тем, что их тут видят. Глядя на них, сразу становилось понятно, что каждый из них сам по себе и что она, Арина, не первая. На скамейке в избушке сидел молодой панк с разноцветным ирокезом на голове и гитарой. Рядом на самоструганой скамейке сидела солидная бизнесвумен, с презрением поглядывающая на остальных. Они уже подарили что-то «для памяти» ведунье и, видимо, уже изложили свои пожелания Их памятки-подарки лежали на подоконнике. Горстка перстней с черепами, крупные цепи белого металла – очевидно, от парня с электрогитарой. И рядом красовалась толстая пачка долларов от бизнесвумен. Арина отстегнула брошь от куртки. И стыдливо положила рядом с уже лежащими памятками. Отдала старушке всё для неё припасенное: и приготовленную еду, и красивое, яркое, достроченное накануне лоскутное покрывало.

– А это вам угощение, бабушка. Бабушка! Пусть Толик мне предложение сделает! Сможете? – с надеждой в голосе спросила Арина.

И старушка, щури подслеповатые глаза, приветливо ответила ей:

– Конечно, милая! Сделает как миленький! Придёт и сделает тебе предложение!

Да, куда ж он денется?! От такой-то красавицы и рукодельницы! – сказала старушка, расстелила подарок Арины, её новое лоскутное покрывало, состроченное ею перед походом к старушке. Постелила его на широкую скамью, разглаживая его своими сухонькими, но натруженными ручонками. Немного помолчав, глядя на покрывало, вдруг зашептала какое-то заклинание.

Потом вдруг схватила покрывало и, высоко держа его над головой на поднятых руках, словно экран, перед Ариной, сказала старушка ей с хитренькой, но ласковой улыбкой:

– Сама-то Аринушка, глянь, посмотри повнимательнее – быть может, что-то интересное для себя и увидишь.

И вдруг лоскуты на её же покрывале точно ожили. И лоскут с незабудками зашевелился от ветерка, одни цветочки распускались, другие увядали. Лоскут в горошек превратился в слова, а потом в строчки превращался. А потом и вовсе закрутились все лоскутки разом, словно невидимая рука замесила их в общий пёстрый лоскутный хоровод. На одном ярко-зелёном лоскуте проступила надпись: «Made in Italy». А еще через мгновение лоскут этот стал огромным, во всёлоскутное покрывало, но теперь уже прозрачное, словно окно в другой мир.

И увидела Аринушка лето, да не наше это было лето. А в далекой Италии. Словно ожили страницы учебника по географии или глянцевого журнала. Замелькала перед её глазами Италия. Панорама Рима. Мелькали площадь Испании, фонтан Треви, мелькали улочки милые. Итальянские улочки. На одной из улочек Арина увидела, что из здания выходят незнакомые ей люди. Это были теперь уже бывшие муж и жена после развода. Впереди шёл раздражённый Томазо. Полдень. Италия. Это – Томазо Дантеццо, преуспевающий итальянский бизнесмен, итальянец, горожанин – элегантный мужчина, лет под сорок. Он выходил из здания суда.

А следом, за его спиной – тоже взвинченная событием, но теперь уже бывшая, его жена. Настоящая итальянка с орлиным профилем и густыми чёрными волосами. К ней подбежал её любовник с роскошным букетом и успокаивал её. Томазо оглянулся и, видя эту сцену, делает выразительный жест типа: «А! Ну и черт с вами!»

Каждый садится в свою машину. Разъезжаются в разные стороны. Томазо срывает галстук и швыряет его на заднее сиденье. Мчится и выезжает за город, не останавливаясь, срывает обручальное кольцо. И, открыв окно машины, вышвырнул кольцо как можно дальше от себя.

И кольцо резво покатилося вдаль. И катилось оно всё дальше и дальше, подскакивая на неровностях. Оно миновало солнечную летнюю Италию, промелькнули достопримечательности: Ватикан, Собор Петра... Потом кольцо, брошенное Томазо Дантеццо, и дальше проскакало по сугробам, минуя Москву, Красную площадь, промелькнули и многие другие достопримечательности России. Взвивались космические ракеты, на сцене Большого театра «Лебединое озеро» – танец маленьких лебедей, а кольцо всё мчалось и мчалось всё дальше и дальше. Крутилось по трассе, обгоняя фуры, но со звоном налетело на дорожный указатель «Ругачёво». Крутится на месте и отскакивает в сторону. Мелькала панорама провинциального городка под Москвой. Кольцо прикатилось сначала к стройке, а потом закатилось под окно дома, где живёт сама Арина Родионовна. Но тут вдруг услышала Арина голос старушки:

– Ах, какая ты умелица – так вкусно пахнет! Ну, гости дорогие – присаживайтесь к столу! Арина нынче нас угощает.

И вправду, ароматом пирогов и кулебяки наполнилась вся сторожка.

Арина поняла, что она заснула, присев на скамью, на которой старушка расстелила её подарок – лоскутное покрывало. Она в изумлении потёрла глаза, мысленно перебирая тот ясный, отчётливый, но очень странный сон.

Пирогам Арины и кулебякой с удовольствием и угостились и старушка, и её гости вместе с Ариной, что ведунью очень обрадовало. Потому что понимала, что обратный путь её гостям предстоит нелёгкий. Гости пили чай, а на рассвете, все трое отправились обратно.

А старушке-ведунье ещё предстояла работа. Но её рабочее время – глубокая полночь. Поэтому, проводив гостей, старушка легла спать, набираться сил. Ночь была душевной, жаркой. Потому-то окошки старушка распахнула перед сном пошире. И заснула легко и крепко, так что и разгалдевшиеся посреди ночи сороки ничуть её не побеспокоили. Одна из сорок так расхрабрилась, что села на подоконник сторожки. И стала с любопытством рассматривать, что да как в домике старушки. Её, как на грех, привлекла брошь, которую принесла «для памяти» Арина. И блестящие камушки, украшавшие её, так поблескивали в свете полнолуния, что сорока не смогла отказать себе в удовольствии стащить эту памятку Арины.

Не зря же говорят – сорока-воровка. И, ловко подцепив брошь клювом, сорока улетела с брошью, чтобы украсить своё гнездо в ветвях дерева, стоящего рядом с домом старушки.

А спать старушке предстояло до самого позднего вечера следующего дня.

Уж вечерело, когда старушка проснулась. Красный закат окрашивал всё вокруг. Подошла к окну ведунья. И собрала памятки-подарки. То, что броши нет, она этого и не заметила. Чистой водицы попила и отправилась в путь с этими вещами, уложив их на дно большой потрёпанной корзины. Опираясь на клюку, она уходила вглубь леса шаткой старушечьей походкой всё дальше и дальше. Впереди шёл её чёрный кот, глаза которого горели зелёными и жёлтыми огнями, как прожекторы, освещающие ей путь. Вышла на полянку, за которой приоткрылся обрыв. Кряхтя и по-стариковски причитая, она спустилась на дно обрыва. И, оказавшись на самом дне обрыва, немного отдышавшись, вдруг ударила клюкой о землю трижды с силищей бог весть откуда в ней появившейся. И из того самого места, куда она трижды ударила клюкой, начал бить родник. Да так, что обрыв молниеносно заполнился водой. Вскоре здесь образовалось озерцо. Старушка бросила клюку и ловко вспрыгнула на неё, как на плот. И на его узкой поверхности, как на сцене танцпола, в центре которого взметнулась мощная струя воды из родника, старушка как заплясала вокруг этого «фонтана», бьющего разноцветными струями воды. На своей подвластной каждому её движению клюке она отплясывала, разбрасывая памятки-подарки своих недавних гостей. Это были более чем неожиданные в её возрасте танцы-пляски; то это брейк-данс, то старушка ходила вперёд и назад вдоль клюки, лежащей на воде, вокруг фонтана, как топ-модель по подиуму, кокетливо запахивая и распахивая свой потёртый ватник, как роскошное манто.

Она ловко «заплетала» походку, как заправская манекенщица, хотя и обута была в старые валенки. Но вдруг нечаянно наступила на своего кота, не заметив, что он подплыл к своей хозяйке и тоже взгромоздился на клюку. Он с визгом отпрыгнул в сторону и плюхнулся в воду. И тотчас фонтанчик взметнулся к небесам. Потом опустился, и старушка бросила в него оставшиеся побрякушки того рок-музыканта. Струя фонтана, словно играючи, жонглировала, подбрасывая перстни и цепи, разные побрякушки того паренька. А потом фонтанчик, словно жертвоприношение, «проглотил» это подношение-памятку. И, что удивительно, именно в это время тот самый музыкант выступал в каком-то ночном клубе со своей музыкой. И вечер совершенно не клеился, как-то и публика была вялой, неотзывчивой, словно ленивой массой, и он сам какой-то скованный, зажатый и даже унылый. А как только «съел» фонтанчик его дары, так сразу же зал взревел от восторга, да и он сам ощутил, что силы какие-то неведомые в него влились.

Бизнесвумен на центральной улице Москвы в это время руководила рабочими, монтирующими неоновую вывеску модного бутика «L'escalie en ciel». Она руководила рабочими, громко выкрикивая команды:

– Чуть левее! Да, левее же говорю! Так! – кричала она, стоявшему на верхней ступеньке высокой лестницы. Он монтировал вывеску нового бутика, который предстояло открыть через пару дней. Другие рабочие поднимали вывеску, помогая собрату. А тот вдруг возразил, поймав вывеску обеими руками:

– Так тут же не по-нашему написано. Что, потом другую вывеску тоже вешать будем?

Задрав голову, бизнесвумен возразила ему:

– Нет. Всё нормально! Так оставим. По-русски это означает «Лестница в небо». меховой бутик. Знающий покупатель поймет. А для случайных прохожих мы вывески не делаем. Для своего покупателя работаем.

Улочка в центре Москвы, на которой располагался магазин бизнесвумен, была односторонней, но это не помешало появлению на ней проезжающему белому «Кадиллаку», но остановившемуся рядом с этими ударниками капиталистического труда. «Кадиллак» остановился. Из него вышел тот самый панк с ирокезом и неизменной спутницей – электрогитарой. Решительно шёл по улочке, обсуждая, что-то с менеджером. Сцена разворачивалась за спиной биз-

несумен, и потому она всего происходящего не видела. А за парнем тем временем толпой бежали восторженные поклонницы.

И эта толпа его поклонниц всё увеличивалась – росла на глазах. Бизнесумен обернулась на шум. И увидела, что он раздавал автографы. Тут она сразу узнала его. Подошла к нему, окруженному поклонницами. И он, поприветствовав её кивком головы, поздоровался с нею, сказал, продолжая раздавать автографы:

– Заехал посмотреть, как у вас дела устроились. И рад, что и у вас всё благополучно! Убедился, что старушка-ведунья поработала на славу. Всё удалось! И у вас! И у меня! Значит, все наши перемены – не случайность!

Он, перекидывая толпу поклонников и поклонниц, говорил ей о том, что он успешен и востребован, что старушка-ведунья совершила настоящее чудо. Что он благодарен судьбе за то, что он смог найти дорожку к старушке-ведунье.

А вот у Аринки всё было по-прежнему. В тот день она с поникшей головой уныло что-то помешивала в большом столовском чане с надписью «Компот», когда в столовую, как обычно, забежал Толик.

Он балагурил, привычно пил по утрам кофе. Морочил ей голову своими многообещающими шутками-прибаутками. Иногда пел им с Марией Ивановной свои песенки, развлекая их. Словом, всё как и раньше. А Арника, хоть и радовалась его появлению, но словно угасала вся на глазах в напрасных ожиданиях и в надеждах на чудо, которого ждала от старушки-ведуньи, когда Толик уходил, возвращался в свою жизнь. Поникшая Арина смотрела вслед Толику. И Мария Ивановна не выдержала и, жалея Аринку, выплеснула накопившуюся досаду:

– Ага! А ты плачь, поплачь над супами-то! Что зря слёзы изводить! На соли сэкономим! Извелась ты совсем, девка! Уже и лето почти пролетело, скоро макушка лета. Так и осень вот-вот наступит. Прочитала в какой-то умной книжке: «Чем шире распахнута душа, тем глубже плевков падения!» – вот ведь правильно сказано.

– Похоже – это из учебника физики! – отшутилась Арина.

– Ну да, а то я учебник от книжки не отличу. Я вот что думаю, а не случилось ли со старушкой ведуньей беды какой-нибудь? Всё же и годы, и помочь ей некому, случись что! Ведь уж к ней-то за помощью сходить, так это дело верное. Что там с ней приключилось?

– А ведь правда! А вдруг что-то со старушкой случилось? Заболела? Завтра возьму отгул и пойду к ней. Подмените меня? – искренно встревожилась Арина.

– Ну, ясно-понятно! – согласилась Мария Ивановна и вовремя повернулась к чану с компотом, который явно уже перекипел, потому что поверхность компота резко закрутилась бурным затягивающим водоворотом.

Глава 3

Томазо Дантеццо вернулся в опустевший дом родителей в Вероне. В тот вечер он сидел, как обычно со времени своего развода, в баре и пил с друзьями. Он был уже сильно пьян. Жаловался приятелям, что всё ему осточертело. Что он готов уехать куда угодно, что он хочет изменить свою жизнь. Друзья, изрядно утомлённые однообразием его настроения, отвечали ему:

– Да радоваться нужно, что избавился от этой своей... Нам она всегда не нравилась! Да, что ты киснешь, Томазо?

– Осточертело! Всё осточертело! Хочу перемен! Уеду! – завопил Томазо.

– А куда? – спросили друзья, чтобы отвлечь друга и дать ему выговориться.

По телевизору в баре в этот момент шла передача «Дискавери», тема – «Охота в России». Томазо ткнул пальцем в экран и решительно заявил, что ему теперь только в Россию:

– А вот туда. В Россию! Буду пить водку с белыми медведями в пабе у стен Кремля! И любить самых красивых женщин – русских женщин!

Томазо встал и шаткой походкой направился к телевизору. И даже попытался чокнуться с медведем, появившимся в кадре, ударил стаканом об экран плазменного телевизора, чтобы выпить с охотником, у которого брали интервью о том, как проходит охота. Друзья, достаточно утомлённые его затянувшимся постразводным синдромом, обиделись, почему он пьёт не с ними, а с телевизором:

– Эй! Ты ещё не в России! И вокруг не белые медведи! Вернись! Иди к нам, а то телевизор разобьёшь!

– К чёрту формальности! Я уже там! Эй! Отпустите меня! – буянил Томазо.

Началась свалка. Все смешалось в баре, а на экране телевизора возникла заставка – русское лоскутное покрывало во весь экран оказалось частью снов на синий в крапинку лоскут – и он превращается в звёздное небо над головой Томазо. Сильно пьяного Томазо, проснувшегося на брусчатке узкой улочки родного городка. Первой его мыслью стало:

«Нет, так больше нельзя! До чего же я докатился! С этой минуты я должен всё изменить в своей жизни!»

И с этим решением в него словно новые силы влились. Он встал и пошёл к себе домой, чтобы начать новую жизнь.

Так и не дождалась Арина счастливых перемен в своей жизни. По-прежнему по утрам в столовую забегал Толик и с удовольствием пил приготовленный Ариной кофе, спев какую-нибудь песенку, шёл работать. Поэтому, терпеливо прождав довольно долго, Арина решила во второй раз отправиться к ведунье-вещунье, чтобы провести старушку, не случилась ли с нею беда. Узнать, что же помешало старушке выполнить заветное желание Арины, ради которого и пробиралась она сквозь чащу. Поэтому наступил день, когда в субботу утром, встав пораньше, Арина оказалась в густом лесу. Она пробиралась в самую глубь леса, чтобы навести ведунью, ещё раз повторяя поход к старушке ведунье, как в первый раз, со всеми трудностями, по тем же путеводным разрозненным листам из «Жалобной книги» столовой. Но, несмотря на то, что шла она во второй раз, она не узнавала места, словно кто-то переставил декорации. Не с той стороны росли сосны вековые, где были они в прошлый раз. То ёлок-ориентиров оказывалось не столько, сколько указано на плане, то овраг располагался совсем в другом месте. Заплутала Арина. Стало на душе тревожно, и она старалась отогнать подступающий страх, читая, вернее, бормоча то самое заклинание, что и когда шла к ведунье впервые. Но то ли от усталости, то ли от подступающего страха слова путались, забывались. Словом, всё шло не так, как ожидала Арина. Да и темнеть стало на глазах. Чтобы оглядеться, она решила

выйти на поляну и стала с шумом пробираться сквозь плотной и колючей стеной разросшийся кустарник и крапиву. Но оказалось, что не она одна пробиралась через опушку леса на поляну. Не увидела Арина мощного лося. Не увидела, но хруст веток под его копытами совсем рядом с нею сильно испугал Арину.

Оказалось, что Аринка и лось ещё немного и столкнулись бы. И тут вдруг раздался выстрел. Один! Другой! Словно ножом полоснуло по её нарядному, цветастому ватнику, задев плечо. Она с криком упала, а совсем рядом из тех же кустов выпрыгнул здоровый лось, развернулся и помчался вглубь леса.

«Вот моя погибель!» – промелькнуло в голове Ариши, осознающей, что из последних сил нужно выбраться из кустов на поляну и звонить по сотовому в МЧС. Но она смогла только преодолеть кусты, выйти на поляну и достать сотовый, как вдруг у неё закружилась голова и она рухнула на опушке леса без сознания.

Но к счастью, неожиданно оказалось, что к Арине продирается сквозь чащобу Томазо. Он подбежал к Арине и склонился над нею, пытаясь понять, что с ней, как она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.